УДК 130.2+82.09 DOI: 10.24151/2409-1073-2021-2-97-106

Лирико-философское начало в малом литературном жанре как детерминанта культуры

Е.В. Малинкина

Тверской государственный университет, г. Тверь

alenka.malinckina@yandex.ru

Автор рассматривает формирование лирико-философского начала в литературе как внутреннюю детерминанту культуры русского народа и доказывает, что лирическое чувствование как философский аспект творчества, восстанавливающий способность личности к восприятию мира и самопознанию, является фактором преемственности. В архетипе творчества автор находит выражение национальной идентичности русского писателя, аккумулирующей культурную память. Решение социокультурных проблем, кодированных в системе архетип — образ — символ, иллюстрируется на примере миниатюр Ю. Бондарева. Трансляцию духовной ценности жизни от писателя к читателю в лирической миниатюре автор полагает антагонистом потери личностной и национальной ориентации в техногенном мире.

Ключевые слова: детерминанта культуры, лирико-философское начало, духовные ценности, архетип творчества, образ, символ, преемственность, чувство, идейное содержание, жанр миниатюры, менталитет, культурная память, самоидентификация, эстетический предмет.

The lyric-philosophical beginning in the small literary genre as a determinant of culture

E.V. Malinkina

Tver State University, Tver

alenka.malinckina@yandex.ru

The author considers the formation of lyrical and philosophical beginning in literature as an internal determinant of the culture of the Russian people and proves that the lyrical feeling as a philosophical aspect of creativity, restoring the individual's ability to perceive the world and self-cognition, is a succession factor. In the archetype of creativity the author finds the expression of the national identity of the Russian writer, accumulating cultural memory. The solution of socio-cultural problems, encoded in the system archetype — image — symbol, is illustrated on the example of Y. Bondarev's miniatures. The author believes that the translation of spiritual values of life from the writer to the readerin the lyrical miniature is the antagonist of the loss of personal and national orientation in the technogenic world.

Keywords: determinant of culture, lyric-philosophical beginning, spiritual values, archetype of creativity, image, symbol, succession, feeling, ideological content, miniature genre, mentality, cultural memory, self-identification, aesthetic object.

Социальная детерминация культуры имеет два взаимодополняющих русла: использование опыта предыдущих поколений и влияние этого опыта на динамику культуры. В литературе эти русла сливаются в единое течение — развитие жанров, современные жанровые формы существуют в едином литературном пространстве с их историческими предшественниками. С этой точки зрения развитие прозаического жанра миниатюры представляет особый интерес, поскольку основной особенностью его можно считать лирико-философское начало, которое предполагает погружение повествователя во внутренний мир человека с целью обобщить понимание жизни посредством лирического рассуждения, авторской рефлексии. Рефлексия направляет познание, а создание художественной картины мира предваряется преломлением бытия внешнего во внутреннем бытие личности писателя. Соединим в единый конгломерат и лирику, и философию, чтобы рассматривать эти категории как интенции познания мира, миропонимания, выполняющие в этом процессе различные функции. Если лирика воспроизводит функцию эстетическую, — эстетическое познание мира и себя в мире, то философия выделяет рефлексивный пласт и дифференцирует из него идеи, которые становятся фундаментом для обобщения опыта. Новое знание, осознанное писателем-художником, а именно опыт, закладывает предпосылки для новых художественных образов. В этой динамике лирический аспект можно назвать импульсом развития человеческой личности, и в частности философскую его составляющую в лирической прозе — творчеством, направленным на осознание автором своей роли в жизни и на стремление к познанию и преображению действительности.

Будем придерживаться мнения, что явление культуры, рожденное индивидами, но вышедшее за рамки индивидуальной жизни, существует в истории народа как источник развития его творческой силы. Архетип культуры народа является своеобразной генетической памятью, которая содержит ценности и установки поведения, «встроенный и присущий определенной социальной общности и культуре, [*архетип*] способен наполняться различным конкретным содержанием и нести положительные или отрицательные ценности, так как любая их система основывается на определенном архетипе» [1]. Размывание границ национальных культур в процессе глобализации является причиной потери ориентации в отечественном культурном пространстве, потери родовых корней мировоззрения, складываемого веками. Стремительное развитие техники способствует ослаблению душевности, чуткости, духовно-нравственные качества личности уходят на второй план, технизация «поглощает» личность. Вместе с тем чувственность лирики пробуждает задавленные техническими средствами общения с миром психические способности человека ощущать, воспринимать и представлять. Органическое единение изображения жизни и самой жизни прослеживается, например, в лирике С. Есенина. В поэме «Цветы» [10] переживание любви к человеку соединяется с чувственным пониманием событий революции, индивидуальное накладывается на историческое и такое слияние формирует философскую мысль о вселенском значении единичного в жизни всеобщей. «Я видел, как цветы ходили, / И сердцем стал с тех пор добрей, / Когда узнал, что в этом мире / То дело было в октябре», — уподобление человека цветку дает возможность в ассоциативном фоне запечатлеть ценность «укоренения» человека в родной земле и обозначить философские вопросы вечного и преходящего: Они не те, что на земле. / Цветы рябин другое дело. / Они как жизнь, как наше тело, / Делимое в предвечной мгле». Эстетическая значимость переживаний, настроений, эмоций в лирике определяется тонкостью, возвышенностью, торжественностью, силой. Эпитет «цветение» ярко показывает отношение к красоте

духа, готового к сражению за счастье и свободу. Романтики XIX века понимали органическую связь с природой и уподобляли общество единому организму, а наука не давала духовного развития. «Техника убивает все органическое в жизни и ставит под знак организации все человеческое существование. Неизбежность перехода от организма к организации есть один из источников современного кризиса мира», — писал Николай Бердяев [3]. Поэтому лирическое чувствование как философский аспект творчества в отечественной литературе имеет первостепенное значение, поскольку сохраняет человека как личность, его творческую природу. Чтобы доказать это утверждение, рассмотрим онтологию творчества. По Платону, есть мир идей, который содержит в себе чистые сущности всех вещей — идеи. Эстетический предмет, предмет искусства, в том числе литературное произведение, несет в себе красоту и идею вещи. Красота — это форма произведения. В форму художник облекает свое чувственное созерцание вещи, субъективность. «Стих есть не совокупность составляющих его звуков, — пишет Л.С. Выготский, — а есть последовательность или чередование их соотношения. Стоит переставить слова в стихе, сумма составляющих его звуков, то есть материал его, останется ненарушенной, но исчезнет его форма, стих» [5, с. 74]. Однако этого недостаточно для создания эстетического предмета. Он должен содержать истину, т.е. чистую идею. Если форма не содержит истины, она есть безобразие. Возникает вопрос: каким образом художник достает сущность вещи из мира идей? Ответ помогает найти Платон. Душа человека изначально выходит из этого сверхчувственного мира. В процессе творчества душа вспоминает идею вещи, создавая образ вещи. Другими словами, душа изображает идеальный мир в образах. Поэтому душа несет в себе свойство Демиурга, и ее можно назвать Творцом с этой точки зрения. Сущность вещей, которой наполняет форму произведения душа, и есть истина для писателя. Таким образом, очевидна неразрывность красоты и истины в эстетическом предмете, в частности — в литературном произведении. Можно сказать, взаимопроникновение лирики и философии берет начало в тождественности эстетического созерцания и познания истины. «В идеальном синтезе мышления и чувственности участвует весь состав человеческой субъективности, вне опоры на сложившиеся формы внутри сознания он, этот синтез, невозможен. Эстетический предмет в качестве произведения искусства есть осуществленный идеал красоты» [12]. Обобщенное художественное отражение действительности в конкретной форме — это творческий процесс, направленный на создание картины жизни в свете эстетического идеала автора. Именно синтез идеи и чувства в художественном образе есть лирико-философское начало, роль которого — запечатлевать отражение надындивидуальной формы красоты, т. е. истины.

Философия, по Гегелю, всегда оказывается ведущей в кризисные моменты истории, поскольку мысль предшествует деятельности. «Писательство продолжает и способствует творчеству жизни тем, что с максимальной органичностью угадывает и отражает ее процессы» — эта идея развивается в философской эстетике с античных времен [8]. В поиске жанровой формы для свободного изображения жизнетворчества М. Пришвин пишет книгу о журавлиной родине, о пробуждении творчества в природе и роли в этом творчестве человека, вкладывает идею в символ природного творчества «Клавдофора» — сердце Земли для писателя. Эта идея осуществляется периодически в творчестве писателей разных эпох. Так, Серебряный век «уподобляет жизнь и литературу мистериальному “зерновому” прорастанию творческого духа в явлениях природы» [8]. О.В. Дефье находит слагаемые нового творческого взаимоотношения человека с природой, предложенные Пришвиным. Это созерцание,

сопереживание, угадывание, соединение себя с целым, с его природным ритмом и узнавание себя, прозрение. Здесь можно провести параллель с онтологической концепцией самодостаточности энергии жизни в романе Л. Леонова «Русский лес», где природа есть источник творчества: «Человек имеет возможность подсмотреть таинственную взаимосвязь, объединяющую ее явления в живой целостный организм, чтобы облегчить и ускорить работу природы в ее стремлении к совершенству» [11]. Таким образом переходит из поколения в поколение русской культуры архетип творчества, расширяя творческое сознание народа в лирико-философской традиции — в лирическом мотиве, образе, символе. Согласимся с К.Г. Юнгом, что образ, имеющий корни в мифологии, неосознанно включается автором в ткань произведения. «Праобраз, или архетип, есть фигура <...> повторяющаяся на протяжении истории везде, где свободно действует творческая фантазия». Это опыт предков, их переживаний: «Как если бы жизнь, которая ранее неуверенно и наощупь растекалась по обширной, но рыхлой равнине, потекла вдруг мощным потоком по глубоко прорезавшемуся в душе руслу», — так лирично Юнг говорит о повторении «сцепленности» обстоятельств, под влиянием которых формировался архетип [18, с. 94]. Безусловно, транслируемый писателем, архетип расширяет значение в проекции на современность.

Современной цивилизации необходимо взаимопонимание и сотрудничество, поскольку возрастает риск политического и экологического кризиса. Если считать культуру инструментом построения гражданского общества, а литературное произведение — способом самовыражения творческой личности, эксплицитно и имплицитно связанной с культурой нации, то национальная самоценность, запечатленная в литературе, будет направлять вектор развития общественного сознания [20]. Через проверку своих нравственных качеств, убеждений, интересов, идеалов в социокультурном пространстве реализуется самоидентификация. В сообществе человек чувствует себя защищенным, поскольку для поддержания внутреннего равновесия выбирает свою модель поведения. Вместе с тем психология искусства рассматривает идентификацию как отождествление себя с персонажами художественного произведения. Таким образом, формирование личности писателя, создающего художественный мир для выражения этических и философских идей, влияет на модель поведения читателя.

В когнитивной, социальной психологии идентификация личности базируется на самопознании. Ю. Бондарев, как и М. Пришвин, приравнивает творчество писателя смыслу жизни, но стремится осмысливать жизнь в ее динамической целостности, исследовать поведение в изменяющемся во времени бытии. Будем считать творчество Бондарева актом чувственного и рационального познания. Человек, побывавший на войне, несет в себе ее отпечаток — опыт, который повлиял на его образ мышления, поэтому у него особое восприятие мира. Это восприятие участник военных действий, если он писатель, фиксирует через самобытный язык и таким образом транслирует читателю свою картину мира, на которую наложила печать война. В этой модели, безусловно, присутствует идеологическая, когнитивная позиция писателя, и она оказывает влияние на читателя, не имеющего такого опыта. С этой точки зрения творчество Бондарева заключает в себе огромный пласт коллективной памяти — памяти о Великой Отечественной. В его произведениях отражается сложность переживаний человеческого бытия в военное время. Читатель получает гештальт-схему (цельное восприятие) явления войны, набор представлений, уже обобщенные образы, сильные и яркие, рожденные в эмоциональном восприятии и в ощущении реальности: «Самоходки дыбят землю

огнем, а я кричу: «За мной, братва, так-перетак! Влево давай! По ложбине, по оврагу, в обход горы, иначе всем похоронки!» <...> Рвемся, без голосу орем чего-то, задыхаемся, бежим по железному хламу, как сквозь колючую проволоку <...> Уже как черти в аду хрипим, в гору почти на карачках лезем, обмундирование на нас о проволоку, об железо в клочья вкось и поперек разодрано, — и все-таки ворвались в завод с тылу, можно сказать» («Атака») [4]. Память писателя — источник не только воображения, но и созидания прошлого. Хальбвакс считает, что в обществе сохраняются все факты, чтобы восстановить образы прошлого в индивидуальной памяти [17]. В литературе остается часть истории прошлого, причем историческая память не только передает опыт прошлого, но и является важнейшей составляющей самоидентификации писателя, которая зависит от психологических и культурных факторов. Вдохновение есть своеобразная форма общения с прошлым [16, с. 40]. Так создается индивидуализированная человеческая реальность. Согласно эмпиризму, источником знания и критерием истины в такой реальности служит чувственность и опыт писателя, поскольку знание философы-эмпиристы соотносят с чувством. Чувство является центрообразующей силой в лирической форме отображения действительности, концентрирует образ и сохраняет в нем идею. Именно чувство распространяется в восприятии образа, передается читателю.

Однако нельзя не учитывать и априорные условия, которые повлияли на обобщение чувственного знания. Это общественная жизнь и личная жизнь писателя. В этом плане интересна миниатюра «Отец» из цикла «Мгновения». В тематике два аспекта: социальный — отец и сын в обществе; и вечная тема отношения сына к отцу. Тема Великой Отечественной обозначена для выражения главной темы преемственности поколений. Социокультурная проблема изображена в конфликте сына и его сверстников, смеющихся над отцом. Бондарев показывает моральное состояние подрастающего поколения: молодежь забыла об уважении к старшим, судит о человеке по одежде, а не по положению (к отцу друга следовало бы относиться доброжелательно). И даже сам автор-рассказчик поддается общественной тенденции, не пытается ее изменить. И только спустя годы понимает свою вину в этом перед отцом. Проблема аксиологическая — ценность взаимоотношений отца и сына — раскрывается в воспоминаниях сына об отце. Лирическое переживание сына, его отношение к отцу строит сюжетную линию. Модель реальности, состоящая из эпизодов разных периодов жизни, структурирует взаимоотношение поколений: отец дает маленькому сыну почувствовать себя взрослым; далее отец, в тужурке военного покроя, разговаривает с матерью, а сыну кажется, что отец вернулся с войны. Спустя годы военного времени сын вспоминает, что при возвращении с войны он так же, как и отец, сидел в родительском доме на том же месте и думал, что исполнил недоделанное отцом. В середину произведения писатель поставил главное событие: сын постеснялся защитить отца от обидного смеха одноклассников. Причем чувства даны вербально, они только названы, лирическая сюжетная линия гармонично организует эпическое изображение реальности. Идея вложена в эпизод и подчеркнута деталями одежды (клоунские башмаки у отца), подробно прорисована и дополнена выражением на лице персонажа — «негероически-безрадостное». Психологический вывод в словах рассказчика: дети считают отцов рыцарями, в то время как они обыкновенные, с заурядными заботами, — антагонистичен авторской позиции, которая вложена в уста сына в конце произведения: «Тогда я не думал, что настанет срок, когда в некий день я тоже окажусь чьим-то смешным, нелепым отцом и меня тоже постесняются защитить». Здесь мы видим желание писателя помочь подрастающему поколению определить свою позицию

в жизни, мотивировать к поиску ответов на духовные вопросы. Значит, писатель отождествляет себя с иерархическим порядком по образцу общества, несет в себе совокупность идей и настроений, составляющих концептуальную основу государственности. Глобальная политика всегда рассматривает культурные императивы нации. Отметим свойство культуры давать людям осознание общности через традиции, в том числе литературные. При этом сохраняется духовность для передачи будущим поколениям.

Мироощущение, мировосприятие автора миниатюры решает проблему творческого поиска истины, духовного понимания себя в жизни. Одной из форм духовно-культурной самоидентификации в гуманитарных науках считается ментальность, или менталитет. «Менталитет можно определить как идейно-поведенческий стереотип, как устойчивый пласт национальной психики, включающий в себя определенные мировоззренческие модели постижения мира (архетипы)» [1]. Движение от картин действительности к их эмоциональной обработке, к лирическому рассуждению, философской рефлексии показывает роль мышления в становлении личности. В цикле миниатюр писатель объединяет явления разного характера в идейном содержании. Краткость сюжета выявляет социальную или психологическую проблему и позволяет четко обозначить причину ее постановки. А пути решения проблемы зашифрованы в символе — переданы в настроении, в душевном переживании, в пейзаже, цветописи. Бондарев использует богатую цветовую гамму для изображения чувства. Символика цвета у Бондарева психологична. Пейзаж в начале миниатюры «Отец» предваряет главное событие и готовит читателя к выводу, который будет дан в конце. Это — «неправдоподобно-покойный после солнечного ада закат». Оксюморон «солнечный ад» символизирует пору детства, которая превращается в ад, когда человечность, ценность уважения к старшему поколению, к отцу, нивелируется равнодушием, потерей духовной ориентации. Поэтому закат неправдоподобно-покойный. Но время зрелости наполнено мудростью, пониманием продолжения цепи поступков из поколения в поколение и стремлением сохранить красоту человеческих отношений в сознании молодежи.

Художественно-эстетическое сознание писателя выражает мир и культуру с помощью знака, символа. Культурно-информационное поле с кодами и символами остается в литературном пространстве эпохи как печать, в образном выражении. В системе образов можно проследить обработку сознания культурой, а также смыслообразующую роль образа. Например, в образную систему миниатюры Ю. Бондарева «Звезда и Земля» [4] вложена глобальная экологическая проблема современности, «отчуждение Земли и человека», причем представление Земли детерминировано славянской культурой, в которой человек и природа не разделены: художественный образ «плоть Земли» концентрирует информацию о цивилизации, где творения рук и мысли человеческой — в единой «плоти» с природными элементами Земли. Чувственный образ мира создается ощущением. Это психический акт, он фиксирует направление сознания внутрь или вовне, интенциональность. Направление внимания внутрь, на переживание возможной катастрофы, помогает писателю найти и показать причину отчуждения — равнодушное упование на «потом»: «Несомненно, люди понимают, вернее, чувствуют надвигающуюся опасность, но в то же время уповают на туманное “потом”, в котором может ничего и не случиться с прекраснейшим из миров». Ощущение «защитительного отдаления» от катастрофы в кульминации произведения дано в лирическом переживании и подчеркнуто хронотопом: перемещение действия из холодного поезда в теплую мирную жизнь в пространстве и переход из ночи в утро во времени. Цельные образы переходят из эпоса в лирику и показывают черты культурного

человека эпохи. Образ поезда, дребезжащего холодным железом, в батальной прозе Бондарева символизирует путь к смерти. Ощущением плоти человека в сквозниках вагонов перед боем начинается роман «Горячий снег» — и лирическая миниатюра «Звезда и Земля» в первой же строке дает читателю ассоциацию поезда жизни, летящего навстречу еще более страшного разрушения, если от Земли останется только свет звезды во Вселенной.

В символике проявляется сущность народного духа, но утрата органического единства с природной средой в техногенной организации бытия, разделение микро- и макрокосмоса ведет к утрате чувства Родины, к разрушению национальной целостности. Национальная знаковая система формируется под влиянием родной культуры и отражается в произведениях документальным фактом. Можно согласиться с исследователями из Казахстана, что именно литература аккумулирует в себе глубину человеческого сознания, историческую память, менталитет [20]. В миниатюре модель мира выделяет индивидуальное сознание из коллективного, а потому выходит за социальные и пространственно-временные рамки. В хронотопе миниатюры Ю. Бондарева «Отец» соединяются два поколения, это возможно благодаря лирическому рассуждению, которое собирает вокруг себя и время, и пространство на базе философского обобщения жизненного прошлого. Жанр миниатюры богат поэтизацией действительности, такая форма изображения не оставляет места для транслирования насилия и агрессии даже в военном прошлом, поскольку в слиянии лирики и эпоса выделяется эстетический предмет. Эстетический предмет всегда есть «внутренняя жизнь, иной раз даже необозримые глубины чувств и ощущений. Он всегда есть некая выраженность живого трепета жизни» [19]. Таким образом через личный опыт писателя сохраняется в литературе духовная ценность жизни.

То, что вышло за рамки индивидуального опыта и осталось в культурных памятниках, Я. Ассман называет символической культурной памятью [2]. Будем полагать ее антагонистом культурной деградации. Потеря личностной ориентации в современном мире во многом связана с процессом социализации личности, точнее, с искажением этого процесса. С одной стороны, жизнь в рамках норм и правил социума можно назвать фундаментом в доме деятельности человека. Отождествление себя с членами семьи, рабочего коллектива, культурной, этнической группой расширяет *Я* личности. С другой стороны, выход за границы различения себя и других на уровне эмоций, мотивов грозит потерей индивидуальности. Согласно гештальт-психологии, межличностный контакт требует затрат энергии на осознание другого, выделения его из общего «фона». «...Нагромождение событий ведет к сильной конкуренции фигур, опыт <...> плохо осознается. Нет времени остановиться и оглядеться. <...> И в результате нет возможности пользоваться своим опытом для построения следующего цикла контакта» [7]. Более того, в современной системе ценностей нет более идеала общезначимости в императивной форме, эклектика отражается в мышлении и поведении, размылись строгие критерии, которые помогали человеку выбрать необходимое решение. По мнению Н. Б. Маньковской, одна из отличительных черт постмодернизма — умышленное многообразие стилей: «постмодернизм реабилитировал нарративность посредством цитатности, интертекстуальности, выразившихся в многообразных имитациях, стилизациях литературных предшественников» [14]. В условиях глобализации и развития техники коммуникаций культура утрачивает национальную неповторимость, переосмысливаются накопленные художественные богатства, произведение попадает в контекст, который может оказаться для него необычным, дисгармоничным ему. Стираются поведенческие коды, поэтому

причиной актуальности малых литературных форм становится стремление к упорядочиванию, стабилизации. Для восстановления кодов необходимы четкие ориентиры на ценность, запечатленную в образе, этическую составляющую литературы. «М. Вебер доказывал, что именно базовые ценности культуры являются главной детерминантой жизни общества» [15]. Философия ищет пути достижения приоритетных ценностей. Вместе с тем «становление философского знания — это всегда внутренний акт, который вспыхивает, опосредуя собой другие действия» [13]. Следовательно, это уже переход от коллективного знания к индивидуальному. Поэтому возьмем за основу вывода идею Гегеля «мир как мысль». Мир и культура как образ мира диалектически связаны в процессе саморазвития: писатель, воспринимая мир, воссоздает картину мира, а постижение его произведения читателем способствует сохранению идейного содержания через ассоциацию, вызываемую символикой, или лирической образностью, и через оценивание. Передача культурного архетипа от писателя читателю формирует личностную идентичность, понимаемую в науке как способность к саморефлексии и самосознанию. Если рассматривать динамику культуры как формирование способа человеческого бытия, то лирико-философское начало в литературе ляжет в основу творческого акта писателя как способ миропонимания социосреды и мировосприятия природы. Таким образом, литература детерминирует мировоззрение, или духовную культуру, через преемственность и трансляцию архетипа творчества. «Преемственность выражает передачу и восприятие положительных достижений от поколения к поколению. Без этого не может возникать более высокий уровень последующих эпох» [9].

Сегодня, в период посттоталитарной трансформации социальной и политической жизни общества, человечество, обладающее громадным культурным потенциалом, ответственно за использование этого потенциала во благо [6]. Прежде всего, сохранение культурной детерминанты в российском обществе подобно продолжению развития творческой силы, которая в литературе имеет в основе чувственность как психическую способность личности к мировосприятию. Авторская идея в словесном образе сохраняет общественную ценность, ее изображение органически связывает человека с природой и передает менталитет подрастающему поколению, мотивируя личность к идентификации в социальном и художественном пространстве. Образное поле лирической миниатюры аккумулирует глубину сознания личности, помогает в условиях техногенной организации современного общества ориентироваться на культурную память русской нации.

Лирико-философское начало в литературе сегодня выполняет задачу сохранения духовных ценностей, объединяет различные грани взаимодействия человека с жизнью в изображении внутреннего бытия личности. В имитации реальности через ощущение, отношение к событию философско-эстетическую сущность жизни писатель соотносит с законами природы и общества. Развитие лирико-философского начала в жанре миниатюры — это национальная тенденция, имеющая корни в психологии и мировоззрении русского писателя как носителя культуры России. Этот жанр формируется в связи с социальным окружением писателя и не имеет развития за рубежом.

Литература

1. Азина О. А. Национальная специфика архетипов и ценностей // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 94—96.

2. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности. М.: Яз. слав. культуры, 2004. 363 с.

3. Бердяев Н.А. Духовное состояние современного мира // Путь. 1932. № 35. С. 56—68.

4. Бондарев Ю. В. Мгновения. М.: Sovremennik, 1987. 453 с.

5. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968. 576 с.

6. Данильян О.Г. Тараненко В.М. Философия: учебник. М.: Эксмо, 2005. 512 с.

7. Демидова Т.А. Сойко В.В. Цикл контакта в гештальт-терапии // Психотерапия. Клиническая психология и психоанализ. 2015. Т. 19, № 1(70) С. 46—55.

8. Дефье О.В. Концепция и символика «органического творчества» в книге М. Пришвина «Журавлиная родина» // Русская словесность. 2018. № 3. С. 25—30.

9. Дзевенис А.А. Философия культуры // Дальневосточный аграрный Вестник. 2013. № 1(25). С. 47—52.

10. Есенин С. Собрание сочинений: в 2 т. Т.2. М.: Сов. Россия: Современник, 1990. 384 с.

11. Леонов Л. М. Русский лес: роман. М.: Художественная литература, 1974. 678 с.

12. Лобастов Г.В. Эстетический предмет как осуществленная красота // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2020. № 1(25). С. 64—75.

13. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию // Вестник высшей школы. М., 1989, № 2. С. 80—87.

14. Маньковская Н.Б. Постмодернизм в эстетике // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1. С. 192—230.

15. Равочкин Н.Н. Культурный детерминизм как основание социокультурной модернизации общества: анализ трудов Макса Вебера // Заметки ученого. 2015. № 3. С. 74—77.

16. Романовская Е.В. Морис Хальбвакс: Культурные контексты памяти // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Вып. 3. С. 39—44. (Философия. Психология. Педагогика).

17. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2005. № 2/3. С. 8—27.

18. Эстетика и теория искусства XX века: хрестоматия / А. Мигунов, Н. Хренов. М.: Прогресс-Традиция. 1065 с.

19. Эстетический принцип в его трансцендентальном развитии [Электронный ресурс] // Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ч. 2. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev2_HistEst/2Los_estprin_2b.php (дата обращения 27.04.2021).

20. Reflection of Ideas about Native Land in Poetic and Prose Works Using Narrative Literature Technique / B. Z. Omarov, M. B. Salkynbayev, T. E. Kydyr, G. I. Kuldeyeva,M. Z. Yeskindirova, Z. K. Alshinbayeva // MEDIA WATCH. 2020. Vol.11, № 2. P. 408—418.

Поступила 04.03.2021

Малинкина Елена Владимировна — аспирант, кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (просп. Чайковского, 70, Тверь), *alenka.malinckina@yandex.ru*

References

1. Azina O. A. Nacional'naja specifika arhetipov i cennostej [NATIONAL SPECIFICS OF ARCHETYPES AND VALUES] // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2013. № 11. S. 94—96.

2. Assman Ja. Kul'turnaja pamjat': pis'mo, pamjat' o proshlom i polit. identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti. M.: Jaz. slav. kul'tury, 2004. 363 s.

3. Berdjaev N.A. Duhovnoe sostojanie sovremennogo mira // Put'. 1932. № 35. S. 56—68.

4. Bondarev Ju. V. Mgnovenija. M.: Sovremennik, 1987. 453 s. S. 176.

5. Vygotskij L.S. Psihologija iskusstva. M.: Iskusstvo, 1968. 576 s. S. 74.

6. Danil'jan O.G. Taranenko V.M. Filosofija: uchebnik. M.: Jeksmo, 2005. 512 s.

7. Demidova T.A. Sojko V.V. Cikl kontakta v geshtal't-terapii // Psihoterapija. Klinicheskaja psihologija i psihoanaliz. 2015. T. 19, № 1(70) S. 46—55.

8. Def'e O.V. Koncepcija i simvolika «organicheskogo tvorchestva» v knige M. Prishvina «Zhuravlinaja rodina» [THE CONCEPT AND SYMBOLISM OF «ORGANIC CREATIVITY»

IN M. PRISHVIN''S BOOK «CRANE HOMELAND»] // Russkaja slovesnost'. 2018. № 3. S. 25—30.

9. Dzevenis A.A. Filosofija kul'tury // Dal'nevostochnyj agrarnyj Vestnik. 2013. № 1(25). S. 47—52.

10. Esenin S. Sobranie sochinenij: v 2 t. T.2. M.: Sov. Rossija: Sovremennik, 1990. 384 s.

11. Leonov L. M. Russkij les: roman. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1974. 678 s.

12. Lobastov G.V. Jesteticheskij predmet kak osushhestvlennaja krasota [AESTHETIC SUBJECT AS BEAUTY REALIZED] // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. 2020. № 1(25). S. 64—75.

13. Mamardashvili M. K. Kak ja ponimaju filosofiju // Vestnik vysshej shkoly. M., 1989, № 2, C. 80—87.

14. Man'kovskaja N.B. Postmodernizm v jestetike [POSTMODERNISM IN AESTHETICS] // Filosofskaja antropologija. 2018. T. 4. № 1. S. 192—230.

15. Ravochkin N.N. Kul'turnyj determinizm kak osnovanie sociokul'turnoj modernizacii obshhestva: analiz trudov Maksa Vebera [CULTURAL DETERMINISM AS THE BASIS OF SOCIAL AND CULTURAL MODERNIZATION OF SOCIETY: MAX WEBER WORKS ANALYSIS] // Zametki uchenogo. 2015. № 3. S. 74—77.

16. Romanovskaja E.V. Moris Hal'bvaks: Kul'turnye konteksty pamjati // Izvestija Saratovskogo universiteta. 2010. T. 10. Vyp. 3. S. 39—44. (Filosofija. Psihologija. Pedagogika).

17. Hal'bvaks M. Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' // Neprikosnovennyj zapas: debaty o politike i kul'ture. 2005. № 2/3. S. 8—27.

18. Jestetika i teorija iskusstva HH veka: hrestomatija / A. Migunov, N. Hrenov. M.: Progress-Tradicija. 1065 s, S.94.

19. Jesteticheskij princip v ego transcendental'nom razvitii [Jelektronnyj resurs] // Losev A.F. Istorija antichnoj jestetiki. Ch. 2. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev2_HistEst/2Los_estprin_2b.php (data obrashhenija 27.04.2021).

20. Reflection of Ideas about Native Land in Poetic and Prose Works Using Narrative Literature Technique / B. Z. Omarov, M. B. Salkynbayev, T. E. Kydyr, G. I. Kuldeyeva,M. Z. Yeskindirova, Z. K. Alshinbayeva // MEDIA WATCH. 2020. Vol.11, № 2. P. 408—418.

Submitted 04.03.2021

Malinkina Elena V., PhD student, Department of philological foundations of publishing and literary creativity, Tver State University (70 Tchaikovsky Ave., Tver), *alenka.malinckina@yandex.ru*